
О РОЛИ ФИЛИАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА

Л. К. МЕЛИК-ОГАНДЖАНЯН

Категория существительных общего рода очень своеобразна в семантическом отношении. Этому способствует то обстоятельство, что значительная часть слов общего рода образована в результате переходов значения из слов женского рода, а в той части этих слов, которые образованы при помощи суффиксов, очень часты семантические сдвиги в основах. Все это привело к тому, что в лингвистике прошлого придавалось очень большое значение семантическому фактору в образовании слов общего рода; филиация значения, точнее частный ее случай — переход из абстрактного в конкретное — считался едва ли не единственным условием образования этих существительных.

Наиболее четкое свое выражение эта теория получила у Э. А. Вольтера¹, задавшегося целью доказать ее на материале русского, славянских, лето-литовского, отчасти санскрита, с привлечением некоторых примеров из других индоевропейских языков.

Выводы Э. А. Вольтера категоричны. Так, в Заключении он пишет: «На первых страницах исследования мы успели убедиться, что имена мужского рода с женской формой возникли вследствие перенесения женских кличек, атрибутов, прозвищ, качеств и абстракций на мужчин...»². Через страницу он уточняет, как именно произошел процесс изменения в роде: «Изменение женского рода в мужской возможно только посредством перемены значения отвлеченности в конкретность»³.

Но дело в том, что в общий и мужской род перешли, как будет показано ниже, не только абстрактные, но и конкретные, собирательные имена женского рода. Сам Э. А. Вольтер нередко приводит примеры перехода конкретных имен женского рода в существительные общего рода (или мужского рода, по его терминологии), однако эти примеры не оказывают никакого воздействия на его общие выводы.

Так, Э. Вольтер в качестве примера перехода из абстрактного в конкретное рассматривает слово «голова» — «стрелецкий голова»; но существительное «голова» в значении части тела никак не может считаться абстрактным, так же, как и приводимые им «пила», «юла». Здесь произошел типичный переход из категории конкретного предмета, категории не-лица в категорию лица, переход этот сопровождался метоними-

¹ Э. А. Вольтер, Разыскания по вопросу о грамматическом роде, СПб., 1882.

² Там же, стр. 151.

³ Там же, стр. 153.

ческими и метафорическими переносами значения. Эти слова стали прозвищами лиц женского и мужского пола и потому могли изменить род.

Рецензентами Э. А. Вольтера были А. И. Соболевский⁴ и А. А. Потебня⁵, с разных позиций критиковавшие основной его тезис (рецензия А. И. Соболевского о труде Вольтера в целом была отрицательной, а А. А. Потебни — положительной).

А. И. Соболевский указывает, во-первых, что слова мужского рода на *-а* образуются не только из существительных женского рода, но и среднего, на которые указывает и сам Э. Вольтер: батеня, бутеня, братеня и др.; сюда же относится вся масса уменьшительных собственных имен вроде Петя, Коля, Ваня. Во-вторых, значительное число слов мужского рода на *-а* образовалось по образцу слов мужского рода, какого бы происхождения они не были, или же произошла замена их окончаний новым окончанием *-а*: блёва, брода, бреда, Ванька из Ванько, Ванишко.

А. А. Потебня процесс перехода имен из женского рода в мужской представляет в той же последовательности, что и Э. Вольтер: сначала изменение внутренней формы слов, затем как результат этого семантического сдвига изменение формальное, выявляющееся в формах согласования. При этом вначале возникает согласование по полу имени существительного-подлежащего с мужским родом сказуемого и уже потом с мужским родом определения, т. е. совершается переход женского рода в мужской. В словах же первоначально среднего рода этот процесс связан и с изменением флексии, и с изменением типа склонения (ср. подметало-подметала, надоедало-надоедала).

Во многом соглашаясь с Э. А. Вольтером, А. А. Потебня, однако, показывает, что 1) «имя может перейти от абстрактного к конкретному, не изменяя рода» и 2) «имя может изменить род независимо от того, было ли оно в прежнем грамматическом роде конкретно»⁶. Подробно разбирая примеры Э. Вольтера, которые тот по степени явственности их связи с отвлеченными разделил на три группы, А. А. Потебня в этой связи поднимает вопрос о границах между грамматической отвлеченностью (абстрактностью) и конкретностью.

Потебня полагает, что для большинства говорящих «абстрактны существительные действия и качества, причем еще остается вопросом, ... давно ли возникла эта абстрактность и как глубоко она идет в низшие слои говорящих»⁷. Отвлеченность в древних языках — это вносимый нами бессознательный анахронизм; так, многие из приводимых Э. Вольтером примеров являются не абстрактными, а мифическими личностями женского пола (дрёма, луда и др.).

Подобно А. И. Соболевскому, А. А. Потебня подчеркивает, что «при большем внимании к смыслу приводимых самим автором примеров, как

⁴ «Журнал Министерства народного просвещения», часть ССХХIV, СПб. 1882. ноябрь.

⁵ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899.

⁶ Там же, стр. 623.

⁷ Там же, стр. 626.

пила м., юла м. и пр., он должен был бы изменить столь часто повторяемое им мнение об абстрактности как общей исходной точке изменения рода»⁸.

В настоящей статье сделана попытка проследить роль и пути филиации значения в образовании имен существительных общего рода. Наблюдение над примерами выявило, что, несомненно, переход значения играл немалую роль в образовании имен общего рода, но, как показывает изучение фактов, основную роль в этом процессе играло суффиксальное словообразование. Случаи возникновения слов общего рода на семантической основе, видимо, более часты в прошлом, тогда как в новый период преобладают случаи образования слов общего рода путем суффиксации. При этом небезынтересен тот факт, что некоторые группы активных суффиксов создавались когда-то на почве семантических процессов; так, например, суффикс *-ал-а* из *-ал-о*; суффикс *-ал-о*, приставляемый к глагольной основе, образовывал слова со значением орудия; затем название орудия, будучи перенесено на лицо, то есть совершив переход из категории не-лица в категорию лица, стало обозначать действующее лицо и узаконил это значение сначала в формах согласования с прошедшим временем сказуемого, а потом и с определением, окончательно закрепив его изменением флексии *-о* в *-а*, изменив таким образом фонетическое оформление и отсюда тип склонения (ср. все еще изредка встречающиеся случаи употребления в литературе этих слов в первоначальном оформлении: надоедало, подметало с мужским согласованием). Со временем суффикс *-ал-а* стал одним из регулярных и продуктивных суффиксов общего рода. Вся эта группа слов на *-ал-а* в современном языке воспринимается как образованная при помощи суффиксации.

Далее, случаи филиации значения многообразны, и было бы неправильно сводить их к переходу из абстрактного в конкретное.

Как показали примеры, наиболее общая черта данного процесса — это не конкретизация значения, а переход из категории не-лица в категорию лица, за исключением, конечно, тех немногочисленных случаев, когда слово уже принадлежало к категории лица.

Имена существительные общего рода, в образовании которых ту или иную роль сыграла филиация значения, распределяются на три подгруппы.

В первую подгруппу вошли существительные общего рода, образованные из существительных женского рода путем чистого перехода значения (лексико-семантический тип образования). Этот процесс протекает примерно так, как его представлял себе Э. А. Вольтер: сначала происходит изменение внутренней формы, вслед за этим переход из категории не-лица в категорию лица. Затем, когда новое значение перестает быть окказиональным, оно окончательно закрепляется благодаря изменению в роде. Расхождение в роде способствует дальнейшей дифференциации значения, выступая в известном смысле как словообразующее

⁸ Там же, стл. 629.

средство. В результате возникает два слова: женского рода (название не-лица) и общего рода (название лица), причем слово общего рода приобретает соответствующую стилистическую окраску. Без изменения в роде переносное употребление дало бы начало лишь новому значению в слове; благодаря же родовой дифференциации создаются условия для возникновения на месте одного слова двух омонимов. Этот процесс завершается в случае полной утраты ими семантической связи.

В этой подгруппе представлены различные типы переносов-переходов значения из категории вещи в категорию лица (случаи многочисленны), из собирательного в единичное, из абстрактного в конкретное (случаи немногочисленны) — все это на фоне основного перехода из категории не-лица в категорию лица.

Рассмотрим эти типы переходов значения на конкретных примерах⁹.

а) Переход из названия конкретной вещи в название лица.

Балаболка — ж. р., погремущка, колокольчик (области.), висюлька, то, что болтается, подвеска и т. д.

Балаболка — об. р., шатун, потаскун. Симптоматично, что синонимами для этих двух значений слова «балаболка» служат слова одного гнезда — висюлька и висляй, показывая тем самым, что оба значения слова «балаболка» имеют сходную между собой черту, общий признак. Здесь произошел переход из категории не-лица в категорию лица, который сопровождался переносом из названия конкретной вещи в название признака благодаря общности по функции. Но слово «балаболка» общего рода имеет и другое значение — пустомеля, болтун, у кого язык болтается без толку (в словаре Д. Н. Ушакова дается только это значение слова «балаболка»). В этом значении «балаболка» общего рода перекликается также со значением погремущка: не только то, что болтается, но и то, что трещит, тарахтит, издает постоянно звук (в русском языке часты случаи обозначения болтунов от различных шумовых глаголов).

Размазня — ж. р., жидкая каша, кашаца, завара. В результате метафорического переноса значения это слово стало обозначать человека без убеждений и воли — нечто бесформенное, неопределенное. Переход этот был грамматически «утвержден» изменением в роде.

Балда — ж. р., большой, тяжелый набалдашник, шишка, нарост. Во всех значениях слова «балда» подчеркивается элемент тяжеловесности, именно этот признак и оказался важным при переносе значения. Балдою стали называть тяжелодума, тугодума, твердолобного тупицу. Употребление слов «дерево», «деревянность» как синонима тупости явление повсеместное. Первое основное значение слова «балда» уже забыто, но в значении тупицы оно прочно вошло в словарный состав языка.

Заноза — ж. р., тонкий острый кусочек дерева, вонзившийся в тело. *Заноза* общего рода — придиричивый, надоедливый вследствие своих едких

⁹ Значения слов литературного языка даны по «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, значения же диалектных слов — по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля; использованы также академические словари русского языка.

приставаний, чрезмерно требовательный, всех беспокоящий человек. Здесь перенос значения стал возможен благодаря некоторому сходству по функции.

Интересны метонимические переходы значения по смежности.

Выжигал — 1. ж. р. (только ед. число), серебро или золото, добываемое выжиганием из поношенных галунов и т. п. (спец.); 2. ж. р., земля, на которой выжжен лес под пашню (с.-х. обл.); 3. общего рода, опытный плут, пройдоха, падкий до наживы и ловко умеющий извлекать выгоду (простореч.); перенос значения здесь был основан на близости понятий выжженности и прожженности.

Курилка — ж. р., головенька из спички, дымящаяся лучинка, самая игра, в которой спичка переходит из рук в руки с приговоркою «жив, жив курилка». И *курилка*, *курила* — общего рода — «пьяница, гуяка, кутила», человек никогда не унывающий, с незатухающей любовью к жизни, удовольствиям. Возможно, образ огня, живого и яркого, перекликается с образом *курилки-кутилки*.

б) Переходы из абстрактного в конкретное представлены случаями образования имен общего рода из отглагольных существительных с названием действия.

Засыпка — ж. р., существительное абстрактное, обозначающее действие по глаголу засыпать, в другом значении этого слова, тоже ж. рода, то, что засыпано в пищу, всыпано для корма.

Засыпкой же называют работника на мельнице, ссыпавшего зерно в помол. Имя-название действия перешло в имя-название действующего лица; здесь имеем дело с метонимическим переходом значения. Род слова соответственно изменился из женского в мужской (слово отнесено к мужскому роду в качестве «специального»).

Затычка — ж. р., обозначает действие по глаголу «заткнуть». В этом значении оно абстрактно; второе его значение — то, чем затыкают что-нибудь, пробка, втулка. Будучи перенесено в категорию лица, слово стало обозначать человека, которым пользуются, чтобы заполнить что-нибудь отсутствие, чтобы заменить кого-нибудь недостающего (простореч., пренебрежительное).

По всей вероятности, и в данном случае налицо переход значения из абстрактного в конкретное, от названия действия в название действующего лица. Хотя возможна и иная версия: слово общего рода образовалось от второго конкретного значения слова «затычка».

Рыбалка — ж. р., неводная рыбная ловля, тоня, ватага. Рыбалка — м. р., рыбак. Д. Н. Ушаков относит это слово к общему роду. В нем произошел метонимический переход по смежности.

в) Переход из собирательных в единичные на фоне перехода из категории не-лица в категорию лица представлен всего в нескольких случаях.

Родня — ж. р., собирательное, означает родственников. Но может обозначать и родственника или родственницу, относясь при этом к общему роду.

Вольница — ж. р., собирательное I. люди из разных слоев, независимые и свосвольные, которые по сложившимся социальным условиям поставлены вне официального общества; 2. общего рода, люди, не стесняющие своей свободы (разговорное), и областное, шутливое — шалун, дерзкий и самовольный человек.

г) Переходы из собственных имен стоят несколько особняком и представлены двумя-тремя словами. Во-первых, они с самого начала принадлежали к категории лица, а в некоторых случаях — уже к мужскому роду (ср. Ванька — фамильярное от Иван — и Ванька — прозвище любого извозчика в старой России).

Таковы в общих чертах типы переходов значения в первой подгруппе имен общего рода, в образовании которых изменение значения сыграло решающую роль. Рамки статьи не позволяют более подробно их рассматривать.

II. Во вторую подгруппу вошли имена существительные общего рода, образованные от глаголов и прилагательных путем суффиксации, сопровождающейся переносом значения (сочетание лексико-семантического и морфологического процессов).

Если в образовании первого типа морфологический фактор (изменение в роде) выступает лишь в роли «утвердителя» нового значения (слова), то во второй группе на первом плане находится именно морфологический фактор (суффиксация), а фактор семантический оказывается сопровождающим. Имеет место их взаимодействие: суффиксация дает возможность раскрыться смысловым оттенкам, заложенным в значении основы глаголов, прилагательных, существительных, тогда как семантика основ в свою очередь определенным образом направляет процесс суффиксального образования.

Рассмотрим некоторые примеры подобных случаев образования слов общего рода.

Повеса — об. р., шалун, шалопай, проказник, висляй, резвый и нередко докучливый баловник; невежливый, дерзкий шалун (В. Даль).

Слово находится в родственной связи с глаголом «повисать-повиснуть»; ср. — висеть-виснуть, «быть повешену, быть укреплену или положену одним концом к возвышенной точке, оставаясь свободным на воздухе», и *висляй* — м., *висляга* — об., праздный шатун, повеса; //женщина легкого поведения. Не случайно от обоих глаголов почти одного значения были образованы по смыслу близкие, почти идентичные имена существительные общего рода. Уже одно это обстоятельство говорит о внутренней связи этих глаголов с образованными от них именами общего рода; ср. — об. висляй, *висляга*, *повеса*, шатун — перевисать, перевиснуть, висеть через что и т. д.

Обрывала — об. р., взяточник, обирала (суффикс-ал(а)) — от глагола «обрывать», оторвать кругом, ощипать, обдергать. Слово «обрывала» образовано на основе этого значения глагола обрывать: обрывала тот, кто обирает другого, отрывает, огнивает его имущество; ср. просторечное «оторвать куш».

Бобыня — об. р., тул., влд., надутый, чванный, гордый, спесивый человек, от слова «боб», образовано при помощи суффикса *-ын(я)*. Интересно, что «боб» не только в языке, но и в фольклоре, в сказках, обозначает спесивого, чванного человека. Этот сюжет встречается и в русских, и в немецких сказках (ср. сказку о бобе, лучинке и игле, где боб от чванства настолько надулся, что лопнул, и пришлось обе его половинки пришить друг к другу, отчего у него и остался шов на животе). «Надутость» боба и то, что он расположен в стручке в своем гнезде, отгороженный от других бобов, видимо, напоминает по внешней ассоциации чванного, надутого человека.

Винтушка — об. р., непоседа, юла, егоза — от слова винт (м. р.), шуруп, округленный гвоздь, нарезанный винтом, спиралью, который не забивается, а ввертывается, ввинчивается в нарезную же дыру.

Интересно, что для передачи более экспрессивного понятия выразительных средств мужского рода оказалось недостаточно (аналогичное положение и в слове «бобыня»), и при помощи ласкательного суффикса *-ушка* было образовано слово общего рода. Семантическая связь этих слов совершенно очевидна.

Жадобинка — об. р., нвг., жадобнушка об. олонец, жадоба об. р., олонец, пск., волог., желанный, милый, любимый, любезный, родимый; душа, сердце мое, ласкательно — кого жалею и кого желаю. Сюда же жалёна, -нушка об. жаленый пск., жалкой, жалобочный смл., жалоба ты мой, моя твр. пск., по ком сердце болит, кого жалею, люблю; желанный, жадоба, жадобный, болезный, милый.

И *жаде(о)ба* — об. р., кур., твр., жадень, жадный, алчный, ненасытный, стяжатель, прожора, обжора, жадный.

Судя по внешнему сходству, эти имена существительные общего рода должны быть родственны между собой. В конечном счете так оно и есть. Это два развития значения одного и того же слова. «Жадобинка» и другие слова, обозначающие желанный, милый и т. д., образованы от прилагательного жадобный, милый, любезный, ласкательно — кого жалею и кого желаю, ср. глаголы «жадагь», «жадеть» и «жаждать», а «жадѣба» (так же, как и жадина) — от жадный, алчный, ненасытный, стяжатель. Но если взглянуть поглубже, оба прилагательных в конечном счете окажутся в родственной связи друг с другом. В самом деле, ведь жадный человек — это тот, кто чересчур дорожит своим имуществом, ни за что не хочет с ним расстаться, а, напротив, норовит отнять, присвоить чужое, другими словами — он жалеет свои вещи, бережет их. Жадобинка, жадобный, желанный, милый, кого жалею, люблю, берегу, разумеется, уже одобрительное. Здесь значение первоначального слова жалость, жалеть, обернулось, так сказать, другой стороной. И поэтому они уже не воспринимаются как слова родственные.

В рассмотренной подгруппе существительных общего рода речь в какой-то степени может идти о переходе из категории абстрактного в категорию конкретного, поскольку, в большинстве случаев (в отглагольных существительных) наблюдается переход от названия действия к на-

званию действующего лица, а в небольшом количестве существительных, образованных от прилагательных,— от названия признака к характеристике лица по этому признаку. Этого нельзя сказать о немногочисленных словах общего рода, образованных от существительных, ибо чаще всего производящие основы этих слов конкретны. Однако сдвиги в семантике просто сопровождают здесь основной процесс — суффиксацию.

III. В третью подгруппу входят имена существительные общего рода, образованные от переносных значений глаголов. В них процесс изменения значения имел место раньше, чем возникло слово общего рода, еще в производящей основе. Собственно, в этом случае нельзя говорить о роли филиации значения при создании слов общего рода, здесь совершается чисто морфологическое преобразование, с той лишь разницей, что эти слова экспрессивнее, обладают более яркой эмоциональной окраской, чем слова, образованные от прямых значений глагола. Эти свойства были переданы им, так сказать, по наследству.

Размаза — об. р., кто говорит широко и приторно. Слово образовано при помощи суффикса-окончания *-а* (вернее, безаффиксное образование) от переносного значения глагола *размазывать* — рассказывать, описать, объяснить или написать более чем подробно, излишне широко. Основное значение глагола *размазать*, *размазывать* — расплстать, расширить. Внутренняя форма этого слова — распространить что-то основное, массу, сгусток краски на большое пространство. Примерно то же самое делает многословный человек, рассказчик. Но так как при переносном употреблении в памяти говорящего и слушающего оживает основное значение этого слова, в результате взаимодействия этих двух значений происходит усиление экспрессии в слове переносном. Эта усиленная экспрессия передается существительному общего рода.

Таким образом, экспрессивная насыщенность слова «размаза» происходит от двух причин: во-первых,— это слово общего рода с суффиксом-окончанием *-а*, определяющее человека по характерному признаку; во-вторых, в нем полностью сохранилась эмоционально-экспрессивная окраска глагола, от которого оно образовано.

Такого же типа образование — *прожигала* — об. р., прожигатель — лицо, которое прожигает что-либо, чаще всего жизнь; ср. *прожигать жизнь* (переноси.).

Брюзга — об. р., кто брюзжит, все ворчит, бранчуга; ср. *брюзжать*, *брюзготать* — *бренчать*, *бряцать*, *гудеть*, *звенеть* и *брюзжать*, *брюзготать* — *ворчать*.

Очевидно, что филиация значения в образовании этой подгруппы существительных общего рода фактически никакой роли не играла.

Таким образом, изучение фактов языка показывает односторонность точки зрения Э. Вольтера и некоторых других ученых, которые преувеличивали значение чисто семантического момента в становлении слов общего рода и особенно роль перехода от абстрактных значений к конкретным. По крайней мере, в современном языке «чистая» филиация значения — лишь один из возможных путей создания слов общего рода.

ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅԱՆ ԴԵՐԸ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ ՍԵՌԻ
ԳՈՅԱԿԱՆՆԵՐԻ ԿԱԶՄՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

1. 4. ՄԵԼԻՔ-ՕՂԱՆՋԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Նշանակության փոփոխությունները զգալի գեր են կատարում ընդհանուր սևուի զոյականների կազմության մեջ. հանգամանք, որը շափազանցվել է անցյալի լեզվաբանների կողմից: Հնրացականի անցուսը կոնկրետին համարվել է այդ կատեգորիայի կազմության գրեթե միակ պայմանը (է. Վոլտեր, Ա. Պոտերնյու և ուրիշներ):

Նշանակության փոփոխությունների ուղնննոն ուսումնասիրությունը հանգեցնում է այն եզրակացության, որ խնգրո առարկա փոփոխությունները ինչքան էլ որոշակի գեր են կաաարում քննարկվող բառերի կազմության մեջ, այնուամենայնիվ հիմնական գերը տյստեղ պատկանում է ածանցսանը:

Միաժամանակ ճիշտ չէր լինի փոփոխությունների ամբողջ բազմազանությունը վերագրել սոսկ վերացականից կոնկրետին անցսանը՝ նույնիսկ այն դեպքում, երբ առկա է ընդհանուր սեռի գոյականների զուտ իմաստաբանական հազմությունը: Նշված փոփոխությունների ընդհանուր հատկանիշն է՝ անցումը ոչ-անձի կարգից անձի կարգին: